

Сознание проснулось раньше, чем открылись глаза.

Первым делом пришло ощущение глубокого, проникающего до самых костей тепла, словно греешься у камина в зимний день, когда каждая пора на теле расслабленно вздыхает. Следом пробудилось обоняние. Тонкий, сладковато-теплый аромат фруктов и цветов витал в воздухе, лаская ноздри — кажется, именно так пахли волосы Су Яо вчера вечером.

Фэн Жосюэ бессознательно потерлась щекой о источник тепла. Кожа под ней была нежной и горячей, ощущалась живой, с мерным ритмом дыхания. Словно обнимаешь огромную мягкую игрушку — чувство безопасности было абсолютным. Она издала довольный, похожий на кошачий мурлыканье звук, пошевелила ногой, чтобы найти более удобное положение, и, наконец, устроилась поудобнее, всем телом прижавшись к этому теплу.

Ощущение было настолько приятным, что затуманенный мозг не спешил окончательно просыпаться, желая подольше утопать в этой убаюкивающей мягкости.

Пока вдруг...

Сверху не раздался тихий, вибрирующий в груди смешок.

— Хм...

Смех был ленивым и хриловатым, похожим на первый луч солнца, пробивающийся сквозь утренний туман, и в нем сквозила проницательная насмешка.

Тело Фэн Жосюэ мгновенно одеревенело. Вся дремота в один миг разлетелась в клочья.

Она резко распахнула глаза.

Первое, что она увидела, — это тонкая, изящная шея совсем рядом. Линии были безупречны, а кожа настолько гладкой, что казалась почти лишенной пор. Кончик её носа упирался прямо в эту кожу, и мгновение назад она... она терлась об неё.

Взгляд судорожно пополз вверх, скользнул по четкой линии подбородка и, наконец, столкнулся с парой смеющихся глаз.

Су Яо уже давно проснулась.

Она лежала на боку, подложив одну руку под щеку, а вторая... вторая свободно покоилась на спине Фэн Жосюэ. Солнечный свет, пробиваясь сквозь щель в шторах, падал на её длинные, слегка вьющиеся черные волосы, окутывая их золотистым ореолом. На лице не было ни капли косметики — чистое, ясное, оно казалось мягче, чем в обычные моменты её властной яркости.

Но блеск в глазах ничуть не померк, а из-за сонной дымки и нескрываемого лукавства казался ещё более завораживающим.

Она смотрела на Фэн Жосюэ так, будто любовалась домашним питомцем, который резвится в её объятиях, сам того не осознавая.

— Доброе утро.

Су Яо заговорила, и её голос, низкий и чуть хриплый, с легкой зернистостью, прошелся по барабанным перепонкам Фэн Жосюэ, заставляя её нервы натянуться до предела.

В голове у Фэн Жосюэ образовалась пустота, вытесненная лишь огромным, захлестывающим чувством стыда.

Она наконец осознала свою позу — она облепила Су Яо, словно спрут! Голова уткнута в ключицу, руки обвивают талию, а самое страшное — нога, которая бесцеремонно закинута на бедро Су Яо! И то самое место, о которое она так блаженно терлась... это была грудь Су Яо!

Бум!

Кровь, казалось, в одно мгновение ударила в голову. Щеки, уши, шея, да что там — вся кожа вспыхнула таким жаром, что перед глазами поплыло. Фэн Жосюэ чувствовала, как сердце колотится в груди — стук был настолько громким, что, казалось, его слышно на всю комнату.

Почти рефлекторно она попыталась отпрянуть, но из-за паники и стыда движения вышли неуклюжими, и она чуть не свалилась с узкой односпальной кровати.

Однако теплая, сильная рука оказалась быстрее: нажав на поясницу, она с легким усилием вернула Фэн Жосюэ обратно в постыдные объятия, прижав даже крепче, чем прежде.

— Куда собралась?

Су Яо приподняла бровь, и в её глазах, похожих на звездную россыпь, вспыхнуло острое, не терпящее возражений веселье. Она слегка склонила голову, почти касаясь лбом лба Фэн Жосюэ, и в их смешанном дыхании сладкий аромат стал ещё гуще.

— Это ты вчера всю ночь вцепилась в меня и не отпускала, — неторопливо констатировала она, и её взгляд, словно обладающий физическим теплом, прошелся по покрасневшим щекам Фэн Жосюэ, её дрожащим ресницам и, наконец, остановился на губах, которые та судорожно сжала от напряжения.

Фэн Жосюэ была готова провалиться сквозь землю. Язык словно онемел, она не могла

вымолвить ни слова. Ей хотелось всё отрицать, но телесная память и нынешнее положение тела были красноречивее любых слов.

— И к тому же... — голос Су Яо стал ещё ниже, с той самой двусмысленной, дразнящей растяжкой. Её пальцы легонько провели вдоль позвоночника Фэн Жосюэ, заставив ту вздрогнуть. — Только что... кто-то терся об меня...

Она выразительно опустила взгляд на свою грудь, где на ткани пижамы всё ещё оставались складки от того, как кто-то недавно об неё терся.

— ...очень даже с удовольствием?

Эти слова ударили, как гром среди ясного неба. Фэн Жосюэ резко подняла голову и снова встретилась с этим пронизательным, насмешливым взглядом. Кровь, казалось, застыла, а потом снова закипела от невыносимого стыда.

— Я... я не! Я совсем не... — она забормотала что-то бессвязное, голос звучал тише комариного писка, а взгляд метался по сторонам, лишь бы не смотреть на Су Яо.

Глядя на то, как девушка рядом с ней буквально готова сгореть от смущения и свернуться в клубок, Су Яо на мгновение смягчилась — так слабо, что сама того не заметила. Она больше не стала её дразнить, но руку не убрала.

— Упрямица.

Она тихо хмыкнула, с ноткой непререкаемости снова прижимая голову Фэн Жосюэ к своей груди.

— Спи дальше, — её голос вернул прежнюю ленивую, властную нежность. — Еще рано.

Фэн Жосюэ замерла в её объятиях, боясь пошевелиться. Все чувства обострились до предела. Мерный стук сердца Су Яо, пробивающийся сквозь тонкую ткань пижамы, переплетался с её собственным бешеным ритмом. Приятный аромат Су Яо окутывал её со всех сторон, не оставляя шанса на спасение. Тепло, исходящее от рук на спине и пояснице, было настолько осязаемым, что по коже бежали мурашки.

Она должна была оттолкнуть её. Должна была немедленно сбежать из этих объятий, вызывающих такую гремучую смесь стыда и гнева.

Но...

Память тела упрямо хранила ощущение небывалого доселе покоя и уюта. Это было чувство,

которое она, прожив восемнадцать лет в одиночестве, никогда прежде не испытывала — словно крошечная лодочка, долго скитавшаяся в море, наконец нашла тихую гавань.

Этот инстинктивный телесный порыв отчаянно боролся с холодным рассудком, разрывая её на части.

А Су Яо, казалось, была совершенно невозмутима. Она быстро снова закрыла глаза, дыхание её стало ровным и глубоким, будто того разговора, который едва не довёл Фэн Жосюэ до социального самоубийства, никогда и не было. Лишь рука, всё так же крепко лежащая на талии, не оставляла места для отказа.

Солнце за окном становилось ярче, и в общежитии воцарилась тишина, нарушаемая лишь переплетающимся дыханием двоих.

Фэн Жосюэ лежала, не в силах пошевелиться, ощущая тепло и вдыхая аромат, а внутри неё бушевал настоящий шторм.

Конец.

В отчаянии подумала она.

Кажется... я действительно теряю контроль.

<http://bllate.org/book/21400/2182949>